

Цинь Фэнъянь по-прежнему смотрел на Шань Ли с предельной нежностью. Он погладил его по лицу и тихо спросил:

— Проголодался?

Даже несмотря на то, что Шань Ли всё ещё смотрел на него с опаской, Цинь Фэнъянь ничуть не рассердился. Он достал откуда-то изящную шкатулку с едой. Стоило открыть крышку, как по комнате разлился аппетитный аромат выпечки. Шань Ли потянул носом, и в животе у него тут же заурчало. Он сглотнул слюну, не в силах отвести жадного взгляда от лакомства, но взять угощение не решался: рядом находился этот «грозный дух», и он боялся получить затрещину.

Сейчас Шань Ли был так похож на того малыша, что когда-то бегал за ним следом. Широко распахнутые красивые глаза, робко сжатая в кулачке пола его халата — он выглядел как ребенок, мечтающий поиграть вместе.

Взгляд Цинь Фэнъяня вдруг смягчился. Он вложил кусочек пирожного в руку Шань Ли и ободряюще кивнул. Тот, словно осторожный зверек, сначала откусил крошечный кусочек, зажмурившись от страха и дрожа ресницами. Поняв, что никакой боли не последовало, он выдохнул и принялся жадно есть. Он ел с таким удовольствием, что уголки его губ приподнялись, а на щеках проступили сладкие ямочки.

Цинь Фэнъянь молчал, пока Шань Ли не доел, а затем аккуратно убрал шкатулку. Шань Ли склонил голову набок, глядя на него, и подсознательно захотел сказать спасибо. Он не понимал точного значения этого слова, но смутно чувствовал: если кто-то добр к тебе, нужно поблагодарить.

— Спа-сибо.

Шань Ли с трудом выговорил это слово, запинаясь. Цинь Фэнъянь замер. Он прищурился, впившись в Шань Ли острым, пронзительным взглядом, словно услышал нечто невероятное. Этот маленький наследный принц раньше был до крайности высокомерным и дерзким, никогда не знал слов благодарности. А теперь, став глупым и заторможенным, вдруг научился говорить спасибо.

Цинь Фэнъянь не понимал, откуда взялся такой контраст, но быстро спрятал любопытство и легонько ущипнул Шань Ли за щеку:

— Умница.

Цинь Фэнъянь приходил раз в три дня. И в эти дни, даже если та служанка не приходила «прислуживать» Шань Ли, он присылал других слуг, чтобы те приносили ему еду. Шань Ли не знал, что всё это было устроено Цинь Фэнъянем. Он лишь понимал одно: все вокруг, кроме Цинь Фэнъяня, его ненавидят. Они не выпускали его, не давали еды, а иногда даже били. Только Цинь Фэнъянь не бил его, а кормил.

Постепенно страх Шань Ли перед Цинь Фэнъянем исчез. Он начал загибать пальцы, считая дни, и даже в минуты слабости и головокружения продолжал вести этот счет, с нетерпением ожидая прихода своего спасителя. День, когда проходили три дня, становился для Шань Ли самым радостным.

Увидев, как Цинь Фэнъянь приближается, Шань Ли расплылся в широкой улыбке. Цинь Фэнъянь, как всегда, протянул ему выпечку. Когда Шань Ли съел последний кусочек, он наконец вспомнил о важном:

— Ты придешь? Еще... через три дня?

Шань Ли старался изо всех сил подобрать слова. Цинь Фэнъянь изогнул губы в усмешке:

— Приду. Каждые три дня я буду приходить к тебе.

Шань Ли глупо улыбнулся и бережно положил остатки еды на кровать, жалея их съесть. В течение трех дней, если он чувствовал голод, то лишь слегка отщипывал крошки. Так продолжалось целый месяц. Шань Ли исхудал до неузнаваемости, он едва мог стоять на ногах. Но каждый раз, когда приходил Цинь Фэнъянь, он старался сесть, озаряя всё вокруг своей чистой, наивной улыбкой.

Цинь Фэнъянь смотрел на бледного, изможденного Шань Ли. В глубине его глаз мелькнул странный блеск. Он поставил шкатулку на кровать и открыл её. Наблюдая, как Шань Ли маленькими кусочками подносит еду ко рту, он протянул руку и прохладными пальцами игриво потыкал его в щеку. Раньше, когда Цинь Фэнъянь делал подобные вещи, Шань Ли сопротивлялся, но теперь, привыкнув к его близости, он даже сам прижался щекой к прохладной ладони.

Этот жест польстил Цинь Фэнъяню. Он усмехнулся, глядя на Шань Ли с глубоким, непонятным выражением:

— Шань Ли, хочешь выйти отсюда?

Выйти? Шань Ли замер. Он растерянно посмотрел на Цинь Фэнъяня, затем перевел взгляд на окно и не смог оторваться. Вдруг он закусил губу, и на его щеках снова проступили глубокие ямочки.

— Вы-выйти, хочу!

Получив ответ, Цинь Фэнъянь нежно вытер крошки с уголков его рта и с жалостью в глазах заключил его в объятия.словно милосердное божество, он даровал Шань Ли просимое:

— Если ты хочешь, я позволю тебе выйти.

Шань Ли не понимал истинного смысла слов Цинь Фэнъяня. Он просто глупо смотрел на него, кивал и указывал пальцем на улицу:

— Хочу, хочу выйти.

Ему не нравилось быть запертым в этой комнате, он боялся всех, кроме Цинь Фэнъяня.

— Хорошо.

Цинь Фэнъянь взял его за руку и повел к самым воротам резиденции генерала. Там он отпустил его руку и, глядя сверху вниз, произнес:

— Теперь ты можешь идти.

Шань Ли, сделав несколько шагов, оглядывался на Цинь Фэнъяня. Видя, что тот не идет следом, он почувствовал внезапную печаль. Он не знал, почему ему грустно и почему в груди стало так тесно, просто опустил голову и побрел прочь, пока не дошел до храма Чэнхуана, где жил раньше.

Сейчас он выглядел чистым и опрятным, с тонкими чертами лица, поэтому его бывшие «друзья»-нищие даже не узнали в нем того глупенького юношу, который ждал своего возлюбленного. Они приняли его за знатного господина, пришедшего подать милостыню. Шань Ли тупо смотрел на их протянутые руки, подумал немного, присел на корточки и протянул им камни с земли:

— На, вам!

Услышав этот запинаящийся, мягкий голос, нищие с изумлением узнали его и окружили вопросами:

— Где ты пропадал все эти дни?

— Неужели тебя приняли за молодого господина из богатого дома, а поняв, что ты дурачок, выгнали?

Шань Ли не понравились слова «выгнали». Он поджал губы, обиделся, отвернулся и замолчал. Спустя долгое время он поднялся и пошел к постоялому двору напротив городских ворот, сел под навесом и начал смотреть на ворота. Это была его привычка — даже у дурачка есть свои привычки. Он мог часами сидеть там в любую погоду, глядя на ворота, словно ожидая кого-то.

Так прошло несколько дней. Цинь Фэнъянь не искал его, и Шань Ли, не видя его, тайком прокрался к резиденции генерала. Но как стражники могли впустить такого дурачка? Его начали толкать и бить, преграждая путь. Шань Ли было больно, но он не оставлял попыток каждый день. После побоев он возвращался на свое место у ворот, смотрел на них весь день, а вечером, замерзнув, уходил в полуразрушенный храм.

Позже его прогнали и из-под навеса постоянного двора: там появилась шайка хулиганов. Они были трусливы с сильными и жестоки со слабыми, обожали издеваться над беззащитными нищими, а Шань Ли, будучи дурачком, стал их любимой мишенью. Они пинали его ногами, возбужденно выкрикивая оскорбления:

— Ты, дурачок, а выглядишь ничего так. Наверное, твоя мать тоже была хороша? Она еще жива? Если жива, пусть придет, мы, братья, найдем ей применение!

— Главарь, зачем ты говоришь с этим идиотом? Он же ничего не понимает! Просто бей его, чтобы выпустить пар!

Шань Ли плакал от боли, слезы катились из глаз. В какой-то момент он с силой вцепился зубами в руку одного из обидчиков и бросился бежать. Он больше не хотел выходить наружу, там было так страшно, он хотел домой.

Неподалеку Цинь Фэнъянь наблюдал за всем происходящим. Даже видя, в каком жалком состоянии находится избитый Шань Ли, он оставался невозмутимым до самого конца. Военный советник вдруг почувствовал жалость к Шань Ли: даже если тот когда-то совершил что-то плохое против генерала, это было в прошлом. Сейчас Шань Ли — просто дурачок, зачем генералу так мучить его?

Цинь Фэнъянь бросил взгляд на советника:

— О чем ты думаешь?

Советник покачал головой:

— Подчиненный лишь иногда не понимает, что вы делаете. Сначала приказали слугам издеваться над ним, сами же окружили его заботой, а потом, исполнив его желание выпустить его из дома, подкупили хулиганов, чтобы те его мучили.

Уголки губ Цинь Фэнъяня изогнулись в холодной, жестокой улыбке:

— Потому что я хочу, чтобы он не мог уйти никуда, кроме как ко мне под бок.

— Вы любите его?

Цинь Фэнъянь издал короткий насмешливый смешок:

— Как это возможно?

Он проводил взглядом уходящего Шань Ли и только тогда двинулся следом.

Шань Ли был весь в синяках и ссадинах, тело пронзала невыносимая боль. Он сжался в комок в куче соломы в храме Чэнхуана, дожидаясь, пока боль станет притупленной. Вдруг, словно почувствовав чье-то присутствие, он поднял голову. Увидев Цинь Фэнъяня, он инстинктивно улыбнулся. Рана на лице лопнула, потекла кровь, но он продолжал улыбаться своему

спасителю.

Глаза Цинь Фэнъяня дрогнули, ледяная аура вокруг него рассеялась. Он мягко посмотрел на Шань Ли:

— Давно не виделись. Ты в порядке?

Шань Ли посмотрел на него и прошептал:

— До-домой!

Хотя он не договорил, Цинь Фэнъянь понял его. Он взял его за руку:

— Хорошо, тогда вернемся.

Шань Ли снова оказался в резиденции генерала, в той же комнате. Больше всего его радовало то, что теперь никто не смел его обижать, и он мог каждый день видеть Цинь Фэнъяня. О большем он и не мечтал.

Когда по вечерам они ели вместе, Шань Ли часто слышал вещи, которые не понимал. Например, вопрос Цинь Фэнъяня:

— Шань Ли, ты любишь меня?

Но что такое любовь? Шань Ли был в замешательстве, его красивое личико нахмурилось. Он начал загибать пальцы, перечисляя то, что знал: радость, боль, страх. Но что же такое любовь? Шань Ли с сомнением посмотрел на него:

— Лю-любовь, это что значит?

Цинь Фэнъянь смотрел на него, но в голове у него всплыл другой образ. Что такое любовь? До встречи с Шань Янем он и сам не знал. Но встретив его, он понял, что такое трепет сердца, что такое привязанность и любовь. Взгляд Цинь Фэнъяня стал еще нежнее:

— Любовь — это когда хочешь постоянно видеть человека, а если не видишь — пугаешься, начинаешь тревожиться, бояться. И еще — хочешь всегда быть рядом с ним.

Шань Ли задумался. Если он тоже хочет всегда видеть Цинь Фэнъяня, значит ли это, что он его любит?

— Я, лю-люблю Цинь Фэнъяня, — серьезно сказал он, глядя на генерала.

Цинь Фэнъянь беззвучно усмехнулся, потрепал Шань Ли по голове и, ничего не ответив, вышел

из комнаты, направляясь в свой кабинет. Военный советник уже ждал там. Увидев генерала, он принял крайне серьезный вид:

— Генерал.

Цинь Фэнъянь кивнул, бросив на него косой взгляд. Редко можно было увидеть мудрого советника настолько встревоженным. Он приподнял бровь:

— Что-то случилось?

Советник обеими руками протянул секретное послание, его лицо выражало негодование:

— Генерал, это письмо от Его Величества. Приказано вам в одиночку отправиться в северные земли, чтобы встретить одного человека.

— О?

Цинь Фэнъянь развернул свиток. В его соколиных глазах промелькнул злобный темный свет, на губах появилась кровожадная усмешка:

— Не прошло и нескольких месяцев, а Его Величество уже не может дождаться, чтобы избавиться от меня.

Что это за важная персона, ради которой генерал должен лично отправляться в путь? Очевидно, это лишь предлог, чтобы убить его. Советник усмехнулся:

— Если вы не пойдете, у него будет повод наказать вас. Если пойдете — в пути вас наверняка ждут засады и опасности. Отличный расчет!

Советник нахмурился:

— Так вы собираетесь ехать?

— Почему бы и нет?

Цинь Фэнъянь сел в кресло, скрестив руки на груди, и закрыл глаза. Его прекрасное лицо было бесстрастным, но от него веяло невыразимым холодом.

— Но я возьму с собой одного человека.

— Кого? — машинально спросил советник.

— Шань Ли.

Шань Ли? Услышав это имя, советник едва не выронил глаза. Путь и так полон опасностей, а генерал хочет взять с собой дурачка? Это же будет только обуза!

— Почему? — не сдержался он.

— Если я возьму с собой дурачка, это может усыпить бдительность врагов. К тому же, — глаза Цинь Фэнъяня стали холодными, как вечные льды, — Шань Ли — дурак, но он также и «живой щит», который не умеет сопротивляться.

Советник понял замысел, и по его спине пробежал холодок.

Это «тайное сопровождение» началось уже на следующий день. Цинь Фэнъянь увез Шань Ли из резиденции, не сказав, куда они направляются — он считал, что объяснять что-то дурачку излишне. Они ехали по оживленному тракту, и всё было спокойно, но стоило Цинь Фэнъяню свернуть на глухую горную тропу, как скрывавшиеся в тенях люди начали проявлять активность.

В траве послышался шорох, а звук шагов выдал местоположение убийц. Цинь Фэнъянь остановился с насмешливой улыбкой на губах. Он посмотрел на Шань Ли, который с любопытством оглядывался по сторонам, совершенно не осознавая опасности:

— Дальше может быть опасно, можно даже умереть. Ты боишься?

Шань Ли боялся «смерти». При этом слове с его лица мгновенно исчезли краски, тело задрожало, а в беспомощных глазах замелькал страх. Цинь Фэнъянь не сомневался: если появятся убийцы, этот дурачок первым делом попытается сбежать. Беспольный и трусливый.

Цинь Фэнъянь холодно усмехнулся, отпустил его руку и вытащил меч. Убийцы, заметив его действия, больше не колебались и пошли в атаку. Цинь Фэнъянь был мастером боевых искусств, иначе он не смог бы уничтожить целое государство Тяньцзэ и стать великим генералом первого ранга. Император знал это и отправил десять известных в мире наемных убийц, полагая, что этого достаточно. Но он недооценил Цинь Фэнъяня.

Император не мог и представить, что один лишь Цинь Фэнъянь способен в одиночку противостоять десятёрым, не уступая им ни на йоту. Цинь Фэнъянь безжалостно пронзил мечом грудь одного из нападавших:

— Это все, на что вы способны?

Его вызывающее поведение привело убийц в ярость. Понимая, что в честном бою им не победить, они прибегли к подлости — скрытому оружию. Как бы ни был осторожен Цинь Фэнъянь, он попался: в его руку вонзилась игла с парализующим ядом. Рука онемела, меч выпал из пальцев и отлетел на три метра. Трое оставшихся убийц бросились на него одновременно. Без меча смерть была неизбежна.

И тут случилось непредвиденное: тот самый незаметный дурачок вдруг бросился вперед, закрывая Цинь Фэнъяня собой. Убийцы, считавшие Шань Ли лишь обузой, были ошеломлены. Даже Цинь Фэнъянь, который, как ему казалось, знал Шань Ли досконально, был в шоке. Он

думал, что Шань Ли труслив, боится боли и смерти, и при виде крови забьется в щель между камнями.

Но этот дурачок, так боящийся боли, в самый критический момент спас его. Плечо Шань Ли пронзил острый клинок, его лицо исказилось от боли, но он всё равно попытался улыбнуться — немое утешение для того, кого он любил. Цинь Фэнъянь смотрел на него, и кровь в его жилах застыла. Он сам планировал использовать Шань Ли как живой щит, но когда это действительно произошло, в глубине души поднялась необъяснимая паника.

Он не понимал, почему Шань Ли, так боящийся боли, бросился на помощь. Точно так же, как не понимал, почему человек с изначально злой натурой, став глупым, стал настолько добрым, что не хотел наказывать даже тех, кто причинял ему зло.

Цинь Фэнъянь уложил Шань Ли на камень рядом и, словно обезумев, начал беспорядочную атаку. Раны на его теле множились, но и враги падали один за другим. Когда последний убийца был повержен, Цинь Фэнъянь убрал окровавленный меч и молча протянул руку Шань Ли.

Кровь из правого плеча Шань Ли продолжала течь, но рана онемела, и боль утихла. Он встал, ухватился за ладонь Цинь Фэнъяня, и они, поддерживая друг друга, дошли до ближайшей пещеры. Внутри было немного сухой травы, Цинь Фэнъянь усадил Шань Ли и, поджав губы, достал кровоостанавливающее средство. Несмотря на то, что лицо генерала было мрачным и устрашающим, Шань Ли, склонив голову, смотрел на него без тени страха.

Лишь когда Цинь Фэнъянь закончил перевязку, он почувствовал, как перед глазами потемнело, а голову накрыла волна головокружения. Глядя на наивного Шань Ли, он не удержался и задал вопрос, мучивший его:

— Ты ведь боишься боли?

— Ты ведь боишься умереть?

Взгляд Цинь Фэнъяня был полон противоречий:

— Почему ты заслонил меня собой?

Шань Ли молчал. Он не понимал слов Цинь Фэнъяня, просто поджал губы и снова улыбнулся. Цинь Фэнъянь, видя эту глупую улыбку, усмехнулся про себя — зачем он спрашивает дурачка?

Генерал попытался встать, но битва отняла все силы, тело было покрыто ранами. Стоило ему подняться, как перед глазами поплыло, и он потерял сознание. Как только он упал, Шань Ли охватила паника. Он с трудом, преодолевая слабость, перетащил Цинь Фэнъяня на траву. Увидев красную жидкость, сочащуюся из ран генерала, он побледнел. От друзей он слышал: если из человека течет красная жидкость — он умрет!

Но он не хотел, чтобы Цинь Фэнъянь умирал. Шань Ли плотно сжал губы, беспомощно прижимая ладони к ранам. Подумав, он вспомнил движения Цинь Фэнъяня и начал высыпать лекарство на его раны. Закончив, он с облегчением хлопнул себя по груди, посмотрел на спящего генерала и удовлетворенно улыбнулся.

Красная жидкость больше не течет, значит, Цинь Фэнъянь не умрет. Шань Ли с чувством выполненного долга приподнял уголки губ, лег рядом и тоже уснул.

А Цинь Фэнъяню, пребывающему в беспамятстве, снова снилось прошлое.

<http://bllate.org/book/21501/2203388>